

На одном рельсе.

Научно-фантастический рассказ Г. Мак-Лошарда.

Инженер Джон Нейль, известный как страстный путешественник и автор ряда работ по железнодорожному строительству, всматривался в тяжелый туман, нависший над водами залива. Поезд, с которым он прибыл, задержанный неисправностью пути запоздал к отходу парохода из Пуджета в Ном. Нейль бесцельно бродил по пристани, не зная, на что решиться. Ближайший пароход, как ему сообщили, должен был отойти только в конце недели, воспользоваться же аэропланом при таком тумане было рискованно. Он безнадежно вздохнул. Осталось возвращаться в Нью-Йорк. Он присел на скамейку и задумался... Вдруг в тумане обрисовался чей-то силуэт, и высокий, изящно одетый джентльмен иностранной складки подошел к нему.

— Если не ошибаюсь, сэр, вы опоздали на пароход. Может быть, вам известно, что здесь неподалеку начинается железнодорожная линия в Аляску, идущая через Ном.

— Как? — пробормотал Нейль, действительно удивленный этим известием.

— Железная дорога, проложенная сквозь снежные горы?

— Да, — ответил иностранец, насмешливо поглядывая на Нейля из-под козырька своей кепи, — только что сооруженная и мало кому известная линия. Если вы доберетесь до Моно-Сити, — довольно трудное путешествие на 40 миль к северо-западу, — вы попадете к начальному пункту этой линии и будете на месте на несколько дней раньше, чем морским путем.

Нейль продолжал недоверчиво поглядывать на него.

— Вы шутите или жестоко ошибаетесь.

— Нисколько, сэр, — спокойно отвечал иностранец, вручая Нейлю свою визитную карточку, взглянув на которую он заметил под длинной неразборчивой иностранной фамилией слова: британский консул в Ситле.

— Простите, сэр, — начал Нейль, прикоснувшись к шляпе.

— О, я понимаю, сэр! Иногда не сразу веришь.

Разузнав, как попасть в Моно-Сити, Нейль через час уже двигался в мерзлом тумане по грязной дороге по направлению к Моно-Сити и через три часа увидел на фоне темнеющего горизонта какое-то массивное металлическое сооружение, установленное на гигантских стальных треугольниках, напоминавшее своей формой колоссального паука. Рассчитавшись с возницей, он подошел ближе и был поражен необычайным видом этого создания технического гения.

Железнодорожный путь представлял собою нечто вроде громадной эстакады, поддерживавшей узкую металлическую полосу, по которой был проложен единственный рельс, возвышавшийся на 5 футов над уровнем земли. Это было — «Моно» — однорельсовая железная дорога.

Прозвучал колокол, проводники прошли, оттесняя толпу провожавших. На очень далеком расстоянии послышался долгий пронзительный свисток, и поезд, промчавшись вдоль дебаркадера, остановился. Он состоял из десяти длинных своеобразных корпусов, снабженных окнами, напоминавших корпуса крупнейшей пассажирских аэропланов. По бокам выступали похожие на гондолы вместилища, заключавшие в себе механизм, приводивший в движение пропеллеры. Над каждым «вагоном» высилось 4 пропеллера, расположенных так, что расстояние их друг от друга на протяжении всего поезда было одинаково. Колеса, по два, один за другим у начала и у конца вагона приводились в движение только пропеллерами.

В вагоне, где поместился Нейль, оказалось всего 4 пассажира. Обстановка: его, очень комфортабельная, носила обычный американский характер.

Поезд медленно двинулся. Движение это было легко и гладко; вагоны, казалось, плыли по водной поверхности. Деревья и здания замелькали в окнах с возрастающей скоростью. Не было слышно ни обычного грохота колес на стрелках и соединениях, ни дребезжания металлических частей; движение сопровождалось только мягким шумом. На манометре значилась скорость 38 миль в час. В 25 футах параллельно ходу поезда блестела стальная лента второго однорельсового пути. В этой местности поезд описывал резкую кривую, без малейшего уклона. Нейль догадался, что «Моно» поддерживается во время движения системой жирокопков. Известно, что сравнительно небольшого размера тяжелый жирокоп побеждает могучее морское волнение и уничтожает качку на громадном трансатлантическом судне... Инженер задумался о значении этого изобретения для подводных лодок, зенитных орудий, прожекторов, для авиации. Его размышления были прерваны кондуктором, подошедшим к нему для обычного контроля билетов.

— Скажите, — спросил Нейль, умышленно медленно шаря в карманах, чтобы вовлечь кондуктора в разговор, — скажите, такие поезда сходят с рельс, — он поправился, — с рельса?

— Наша система — самая безопасная сравнительно со всеми другими способами передвижения. В течение двух лет со дня открытия было ничтожное количество несчастных случаев, и все они были следствием большого скопления снега на пути. Нашли билет?

— Да, вот он... Кстати, какова максимальная скорость поезда?

— Он взглянул на аппарат, показывавший тепер 110 километров в час.

Иногда экспрессы достигают скорости 220 километров, но в среднем быстрота движения по горизонтальной линии не превосходит 160 километров.

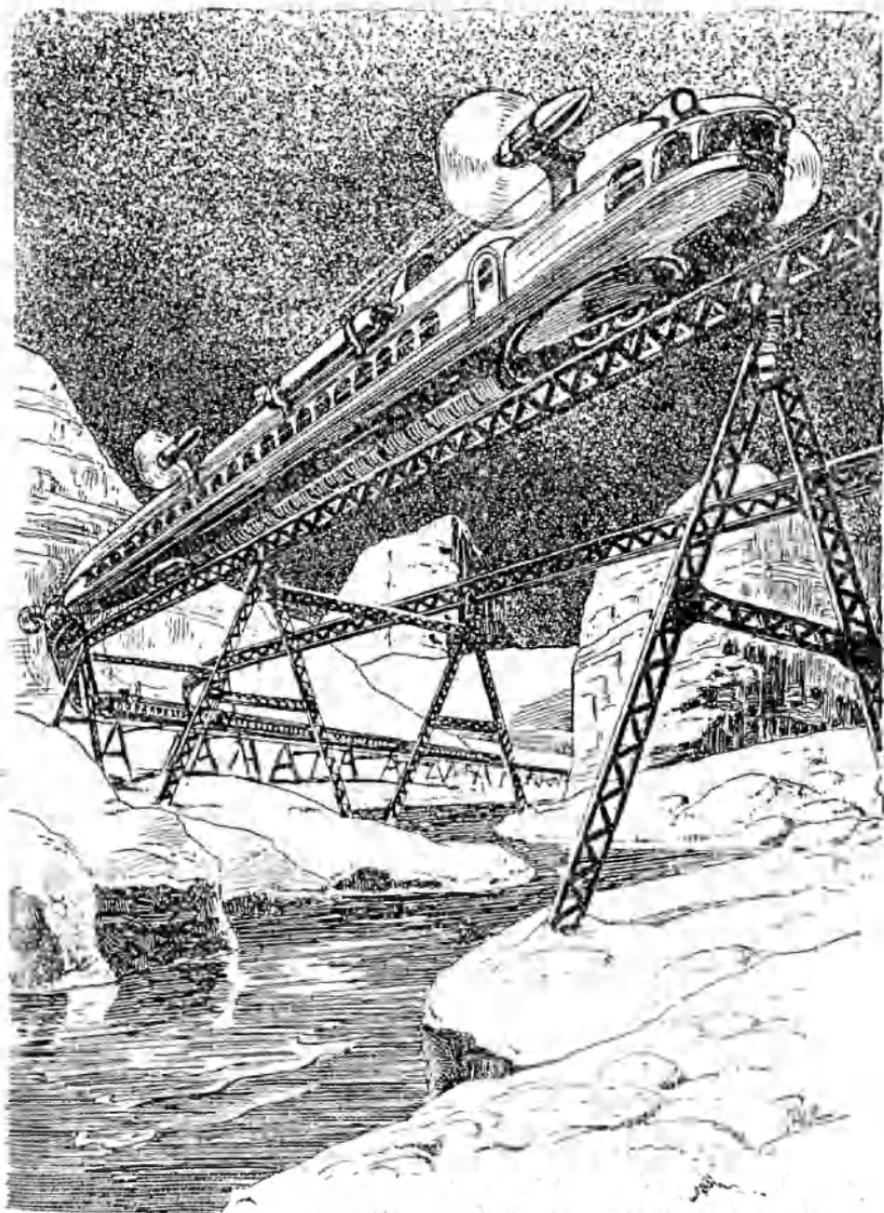
Нейль был поражен.

— 160 километров в час. Товарный поезд втрое скорее нашего экспресса и — один рельс. Как цивилизованный мир ничего еще не знает об этом!

В шесть часов раздался звонок к обеду. Роскошно декорированная внутренность вагона совершенно не походила на обычные рестораны экспрессов. Это была скорее со вкусом обставленная столовая богатого частного дома.

После обеда Нейль осведомился у кондуктора, разрешается ли пассажирам осмотреть «локомотив» и, получив утвердительный ответ, прошел в моторное отделение. Здесь он ожидал увидеть целую сеть проводов, труб, рычагов. Вместо всего этого он увидел два громадных, мягко отстукивавших темп газелиновых мотора, соединенных с большим генератором, нижняя часть которого помещалась под полом. Он вспомнил о жирокопках. Но здесь их не было. Как он узнал потом, они помещались под полом вагона и были колоссального веса, хотя размер их

равнительно с корпусом, был незначителен. Нейль увидел ярко освещенную гладкую мраморную доску с расположенным на ней рядом кнопок, перед которой вырисовывался контур склонившегося над доской механика. „Моно“ управлялся системой контрольных кнопок. Легкое нажатие пальца на одну из них приводило

Поезд медленно двинулся...

в движение сложную систему реостатов, — на другую — приводило в действие целую серию винтов, почти моментально и мягко останавливающих поезд.

Погруженный в изучение этого чуда железнодорожной техники, Нейль внезапно был возвращен к действительности пронзительным свистком, шедшим, как ему казалось, извне. Тогда он вспомнил громадную скорость, с которой несся поезд. Он подошел к окну. Спокойная фигура механика, не отрывавшего глаз от

блестящей стальной ленты рельса, растилавшейся в окне перед ним, освещалась странным, смешанным светом. Огни на пути, окрестная растительность, покрытая серебристым снегом, ярко освещаемая поездом, — все это представляло фантастическое зрелище. Каждую минуту „Моно“ покрывал 3 километра этой стальной ленты. Нейль, вглядываясь в темнеющую за освещенной полосой пути даль, в отблески луны на застывшем льду рек, размышлял о великом перевороте, который вызовет эта новая победа человеческой мысли в заброшенной, вечно окутанной снежным покровом стране. Вдали мелькнул огонек. сперва белый, желтеющий и увеличивавшийся по мере приближения. Нейль понял, что это был встречный поезд.

— Это „Метеор“, быстрейший из наших почтовых экспрессов — сказал механик. — Держу пари, что во всей области нет аэроплана, которого он не мог бы настичь.

Минуту спустя, перед Нейлем промелькнул ряд освещенных окон заливая внутренность машинного отделения потоком света. Свист ветра, неопределенное чувство чего-то грозно надвигающегося, грохот, дребезжание — и поезд промчался.

Весь следующий день поезд глубже и глубже погружался в занесенные снегами пустынные пространства. После остановки в Даусене для смены поездной бригады и для запасов, он почался дальше. Снежная буря продолжалась, когда он достиг горной области и устремился вверх, описывая спирали или проходя туннелями на различных высотах. Буря усиливалась и сугробы с каждым часом росли по сторонам пути. Промчавшись через Юкон, поезд миновал водораздел между Юконом и Кускоквимом. Еще час, и он достиг высшей точки хребта. Указатель скорости, показывавший 170 километров, остановился на некоторое время на 200 и, наконец, достиг 220. Вагоны двигались без малейшего уклона, никакого качания не чувствовалось. Нейлю ясно представились теперь все громадные преимущества системы „Моно“. Высоко поднятое над поверхностью земли, движимое пропеллерами, не боящимися льда, „Моно“ имело все преимущества современного парового и электрического движения и в то же время скорость аэроплана. Хотя ураган ревел и рвал, и снежная завеса мешала видеть на пятьдесят футов вперед, поезд неся с безумной быстротой. Что значит сила ветра, когда ему противопоставлена сила сорока пропеллеров, движимых мощными моторами. Механик знал свой аппарат и твердо полагался на предохранительные механизмы и на сигнальные огни.

Путешествие становилось однообразным. Нейль нетерпеливо блуждал по поезду, разглядывая пассажиров. В одном из вагонов Нейль набрел на группу грубо одетых людей, в меховых шапках, почти закрывавших лица. Пройдя к „локомотиву“, он занял свой прежний пост у окна. Внутренность моторного отделения тускло озарялась ответами извне. Внизу, прямой, как крепко натянутая проволока, блестел единственный рельс. Пропеллеры гудели.

— Скверная ночь, — промолвил Нейль, обращаясь к механику.

— Да, дьявольская ночь! Но беспокоиться не о чем, мы будем в Номе во-время.

— Но если что-нибудь случится с поездом.

— Что, например?

— Ну поломка рельса или мотора, — нерешительно отвечал Нейль, представляя себе, какое крушение должно быть следствием неисправности при такой скорости.

— Поломка рельса? Взгляните на эту доску. Когда она освещается красным светом, это значит, что дело не ладно. На путь может упасть дерево. Лавина может разрушить или погнуть устои эстакады, наконец, холод может реализовать действие механизмов. Ну и что же. Во всех случаях неисправности автоматический механизм приводит в действие тормоз и выдвигает стержни, позволяющие поезду при остановке оставаться устойчивым на одном рельсе.

— Но как „Моно“ сохраняет устойчивость, когда двигатели выключены? — спросил Нейль.

— Жироскопы могут поддерживать его в течение приблизительно двух часов за этот промежуток времени мы выдвигаем стержни, поддерживающие поезд на рельсе в состоянии неподвижности. На случай исключительных по силе заносов у нас здесь над потолком имеется небольшая, но мощная электро-установка, развивающая, в случае надобности, на значительное расстояние перед поездом температуру, способную в несколько минут растопить массу снега и льда, и мы проходим, на ходу прокладывая в снежных горах туннели.

Нейль задумался, прислушиваясь к свисту ветра. Он надеялся, что метель прекратится до наступления ночи. В конце концов он все-таки находится в локомотиве и, в крайнем случае, вынужден будет провести несколько неприятных часов в вынужденном бездействии.

— Это изумительно, воскликнул Нейль. Подумайте только, от одного конца континента до другого всего несколько часов! Прощайте старые железнодорожные черепахи...

В эту минуту в задней части вагона послышался шорох. Раздался хриплый окрик: „Руки вверх“.

Четыре человека, в грубых северных одеждах направляли на них браунинги. Нейль узнал в них подозрительных субъектов, которых он заметил в переднем вагоне. Аляска была пограничным округом, и немало бандитов бродило вдоль новой железнодорожной линии. Пришлось подчиниться. Бандиты привязали Нейля к стальному шесту у мотора. Механик был связан и уложен возле него. Затем грабители спокойно удалились.

— Что нужно этим бродягам? — спросил Нейль, делая безуспешные попытки освободиться от веревок.

— У нас груз в 9000 долларов золотом, принятый в Даусоне. Эти парни, по-видимому, пронюхали о нем, — пробормотал механик. — Но как выберутся они из поезда?

Несколько минут спустя главарь шайки возвратился. Он внимательно проверил прочность веревок, поглядывая на своих пленников с злобной усмешкой. Затем он склонился над системой кнопок.

— Эй вы, что вы там затеяли, — обратился к нему механик, начиная по-нимать, в чем дело.

— Вы так любопытны, — пробурчал разбойник, — ну так вот: вы связаны. Дверь заперта, предохранители на сеть опущены; почему бы немножко и не почистить поезд у Холма Двадцатой Мили? А дальше мы вас пустим стрелой.

Глаза бандита засверкали.

— А что если мост взорван? Какое это произведет на вас впечатление. — продолжал он.

— Негодяи, понимаете ли, что вы хотите сделать! — воскликнул в ужасе Нейль. Вы представьте себе, какая красота. Впереди взорванный мост, и вы мчитесь к нему со скоростью 220 километров в час! Добрая каша из вас получится.

— Кто вы такие? — воскликнул механик, задыхаясь от бешенства.

— Ну, через час вы перестанете интересоваться этим, скаля зубы возразил грабитель.

Вынув из кармана моток проволоки, он прикрепил его к рычагу, поворот которого приводил „Моно“ в движение и проложил ее по полу до двери. Нажав кнопку он остановил поезд, после чего встал на подножку, держась за поручни, затем пропустив проволоку в щель, захлопнул дверь извне на замок.

— Этот дьявол хочет пустить поезд, повернув рычаг при помощи проволоки. Смотрите, смотрите: проволока.

Нейль похолодел от ужаса. Проволока натянулась, повернула рычаг, и „Моно“ двинулся, никем неуправляемый. На эстакаде четверо бандитов с торжествующей злобой махали шапками. Раздался взрыв смеха, и группа потонула в вихре снега, освещенном зловещим красным и зеленым светом железнодорожных фонарей.

Поезд мчался, стук моторов и шум генератора становился все громче.

— Как далеко мост? — спросил Нейль, чувствуя сухость и холод в горле.

— 50 километров, — простонал механик, корчась, чтобы выпутаться из веревок.

— А механизм, останавливающий поезд? — задыхаясь спросил Нейль.

— Негоден, его испортили.

Нейль напруг последние силы, чтобы высвободиться. Лицо его было покрыто потом. Он представил себе скатывающийся в бездну поезд, треск опрокидываемых вагонов, лязг и грохот металла на дне пропасти.

„Моно“ описывал крутую кривую линию и казалось, что вот-вот тяжесть преодолеет устойчивость, сообщаемую жироскопами. Затем, вытянувшись в прямую линию, он продолжал свой бег вперед по совершенно горизонтальной равнине. Нейль был почти без чувств. Осталось жить несколько секунд. Ужас неминуемой гибели пронизал все его существо. Он дико вскрикнул и... проснулся.

Он сидел на скамейке на пристани в Пуджете, где задремал среди размышлений, как бы скорее добраться до Нома.
